

Татьяна ДЖАНГОБЕКОВА

ФОРМЫ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛА В ПЕРЕВОДАХ А. КУРБСКОГО

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія.

Випуск 1 (39) 2018

УДК 811.161 1"367.925(09)

Джангобекова Т.А. Форми минулого часу дієслова у перекладах А. Курбського; 12 стор.; кількість бібліографічних джерел – 20; мова російська

Анотація. Т.А. Джангобекова, дослідник особливостей системи часу дієслів в оригінальних і перекладних текстах, створених А. Курбським в еміграції, у статті «Форми минулого часу дієслова у перекладах А. Курбського» на матеріалі перекладів 4 листів показує оригінальність використаних автором засобів розмежування традиційних (аорист, імперфект, перфект) і нових (*л*-форми) форм минулого часу.

Ключові слова: давньоруська мова, проста мова, система минулого часу, тексти конфесійного змісту, церковнослов'янська мова.

Известно, что принятие в 1569 году Люблинской унии, объединившей Великое княжество Литовское с Польшей и таким образом интенсифицировавшее процесс укрепления польской и католической власти на востоке Европы, способствовало ухудшению положения православных верующих Юго-Запада Руси. Это сказалось на условиях существования 'русской', или 'простой мовы', которая в Великом княжестве Литовском была языком не только православной аристократии, но государственного делопроизводства [8, с. 221-224]¹. Последовательно вытесняясь из социальной жизни, 'проста мова' все больше уступала место польскому языку. Этому в немалой степени способствовало то обстоятельство, что в культурном отношении польская шляхта была более образованна. Молодые аристократы присоединённых земель Великого княжества Литовского, следуя её примеру, стали учиться в западных университетах, постепенно забывая родной язык и делаясь равнодушными к родной вере. Заметную роль в этом процессе играло распространение протестантизма и активность иезуитов в воспитании молодежи [1, с. 12-18]. Все перечисленные обстоятельства, по мнению апологетов православия, способствовали «порче православных книг», тем более что книг на «словенском» языке было явно недостаточно, к тому же для них была характерна «общая их неупорядоченность», разногласия и несходство между собой [1, с. 73]. В православных текстах были прямые ошибки, описки и опечатки. В конце XVI века даже в Киево-Печерской Лавре «не находилось полного круга богослужбных книг». Так, А. Курбский, высокообразованный человек своего времени, хорошо знавший светскую литературу и Священное писание, не мог найти и «десятой части книг учителей наших старых» [1, с. 26-28]. Поэтому не случайно, что в ат-

мосфере величайшего духовного и научного подвижничества, каким было издание Острожской Библии, он начинает активную деятельность по переводу текстов конфессионального содержания, тем более что эта деятельность заинтересовала князя ещё раньше, в Ливонии. В первых переводах, выполненных А. Курбским на Вольни, основное место занимали сочинения Иоана Златоуста, а также письма отцов церкви. Принимаясь за переводы, роль связующей нити всего православного мира А. Курбский отводил церковнославянскому языку, считая недопустимым перевод текстов конфессионального содержания на польский язык, который он называл 'барбарией', или на «просту мову» [4, с. 470-473]. Цель настоящей статьи – охарактеризовать основные особенности перевода А. Курбским глагольных форм прошедшего времени, зафиксированных прежде всего в письмах отцов церкви. Материалом для данной статьи послужили переводы 4 текстов, а именно: описание чудес при перезахоронении Иоана «**Кон по смрти ивановѣ содѣлалисѣ**» (1), переводы писем папы Иннокентия Иоану Златоусту (2) и Аркадию (3), а также 14-го письма самого Иоана Златоуста, адресованного диакониссе Олимпиаде (4).

Известно, что исходная система времен древнерусского языка, включающая четыре прошедших времени (аорист, имперфект, перфект и плюсквамперфект), ко второй половине XVI века в живой разговорной речи полностью разрушилась. Одним из первых был утрачен имперфект, который квалифицируют как праславянское образование с неясным происхождением [10, с. 278-279]. Традиционной принадлежностью книжного языка был также аорист, тоже рано разложившийся формально и семантически. С середины XIV века при переписывании и особенно при редактировании книг архаичные прошедшие времена заменялись на бессвязочный перфект, так называемую *л*-форму, сформировавшуюся в живой разговорной речи и ставшую единственной формой прошедшего времени [7, с. 484]. Тем не менее, словоформы

¹ В. Мойсиенко и О. Ника трактуют 'просту мову' как общий литературно-письменный язык для украинцев и белорусов [9].

перечисленных прошедших времен, за исключением плюсквамперфекта, с разной степенью частотности представлены во всех проанализированных нами переводах А. Курбского. Сохраняя данный выше порядок расположения текстов, проанализируем особенности использования в них глагольных форм прошедшего времени.

1. В переводе описания чудес «**Кои по смърти ивановѣ содѣлалнса**» [2, с. 61-62] зафиксировано 16 книжных форм прошедших времён (аорист, перфект со связкой) и 41 разговорная, так называемая *л*-форма. Наши наблюдения показали, что простые претериты употребляются здесь для выделения 'главных' героев повествования. К их числу в данном рассказе можно отнести искренне верующих – войско клириков-подвижников и ревностных монахов, которые, несмотря на гонения Иоана при жизни, были последователями его учения и теперь стали непосредственными участниками перезахоронения святых мощей учителя. При описании действий и чувств 'главных' героев повествования используются только книжные формы прошедшего времени – формы аориста, включая и сигматический тематический аорист (не моглоша, **w(т)падохо(м)**): **Тѣло твое дѣл привести до на(с), тако снове w(т)цом любяще во(ж)делѣхом дѣл и смиреннѣ достоило к то(н) вещи не приложихо(м) дѣл досто(н)не w(т) желаниа нашего w(т)падохо(м)**; **И егда многы многых роу(ки) ко подвижению приложен(н)ы были [к гробу], вбаче с мѣста двинутти не моглоша** [те, кто несли святые мощи]; **Еписistolни таковые были, а е(г)да сове(р)шив плавание дѣл приплыша** [те, кто перевозил мощи] [2, с. 61]. Только в одном случае две формы аориста используются при обозначении действий 'неглавных' героев повествования: **Оуже бо они [родители цесаря] давно оумроша, в сиротском вѣкоу еце оутрочаткомъ вставиша** [2, с. 62]. Тенденция к употреблению форм аориста для выделения 'главных' героев повествования нарушается А. Курбским дважды – при описании действий императора Феодосия и патриарха Прокла, которые не входят в число 'главных' героев. Ср.: **Но прокль авие не тако соделалъ** (*л*-форма); **Что егда цеса(р) позналъ** (*л*-форма), **авие виноу томоу вырозумѣлъ** (*л*-форма); **сѣты(н) гробъ црски коравль пригаль** (*л*-форма) [2, с. 61] // **Изыде** (аорист) **тамо императо(р) и сенот императо(ро)въ**; **Изыде** (аорист) **патриа(р)хъ и соу(д)еве...** [2, с. 61].

Следует отметить, что все формы аориста в этом переводе употреблены в соответствии с грамматической нормой исходной системы – «как средство указания на действие (состояние), целиком отнесенное к прошлому и представляемое как единый, нерасчлененный акт» [3, с. 299].

Формы перфекта в данном тексте зафиксированы 6 раз, и только при обращении к адресату,

например: **По ты w(т)че покаганиа дѣл наоучаль еси, и на(с) прешдолѣль еси, и досто(н)ны(н) казни вбра(з) показалъ еси** [2, с. 61].

Книжный характер предикативной структуры данного текста усиливается большим количеством причастий: **тоужаще, исполняюще, мнимающе, любяще, последующе, познавающе, палающе, идоуще, покрывающе, привлачаще, оутвержающе** и др.

Тем не менее, на этом книжном фоне представлена 41 *л*-форма, используемая для обозначения действий 'неглавных' героев повествования, к которым относятся не только император и патриарх, но и сам Иоан Златоуст, а также для описания фонового действия. Например: **наро(д) и црко(в) w(т)сиро(т)ства своводилсѣ, авие прудко возкигѣло возвурение; Ибо егда было тихое и поконное по мору плавание; Тогда чоудо нѣлако гавиль бѣгъ; Наро(д) блч(с)тивы о иване тужаще оумли(л) прокла** [2, с. 61]; **Глють и(ж) вн [Иоан] тогда <...> рекль ми(р) вамъ; Ибо тридеса и пѣт лѣтъ траслѣсѣ [земля], небо во время ее ѿне црковь траслѣсѣ ѿ вн в том оумлиа И воже гром оутѣшилсѣ** [2, с. 62].

Таким образом, проанализированный перевод А. Курбского показывает механизм включения в книжный язык наиболее характерных особенностей живого разговорного языка (См. также [5], [6]).

2. **Письмо Иннокентия Иоану Златоусту (ѿтвещание иноке^нтиа на иванову епистолию до него писа^ну в свои^х веда^х** [2, с. 59-60]). По объёму это небольшое произведение – всего 20 строк печатного текста. По содержанию оно сводится к философским размышлениям о жизни и предназначении человека, для которых характерны глагольные формы настоящего времени. Этим предопределяется небольшое количество форм глаголов прошедшего времени. И тем не менее, здесь представлено 6 *л*-форм, которые употреблены для изложения размышлений о духовной крепости испытываемых богом людей: ... **толиких народовъ <...> искоусныхъ быти, аще бытии терпении оукрепалнсь, и ни единой трудов болезни оустоупили; всѣмъ без правды находцим, их же аще бы хто терпением не вдолѣль, знакъ w совѣ злаго мниманиа гавлаеть** [2, с. 59]. *л*-форма встречается и в безличной конструкции (такъ **яко достоило**), а также в заключительной части перевода для указания на автора письма: **ѿие иноке(н)ти до вѣжественнаго ивана писалъ** [2, с. 60]).

Кроме *л*-форм, в данном тексте представлено 2 примера употребления аориста: **всако и мы дѣл еп(с)тѣли(н) тѣ такъ яко достоило, с кирнакомъ дѣякономъ до тебе дахо(м), иж бы сопротивникомъ не вѣще возмогла, нежели довраа твоя совесть** [2, с. 59]; **ими(ж) народи**

учим(м), вѣхъ сты(х) дивне различными обычаи и безпрестанне злыми мучивши(х)са достовѣрнѣ свѣдѣте(л)ствую(т): понеже такъ яковы на соудѣ искушени, пото(м) такъ до ве(н)цѣ те(р)пениа приидоша [2, с. 60]. Характерно, что во втором примере аорист использован для описания действия святых.

3. Эпистолия папы Иннокентия Аркадио (Эпистолия иннокѣнтиа папы кон^м аркадиа проклатию подае^т неправеднаго ра^{аи} заточениа, івана златоустаго оучаа вселенней [2, с. 60-61]) является размышлением о морали, т.е. её содержание тоже связано с философскими вопросами. Иннокентий полемизирует с Аркадием, проклиная его за несправедливое заточение Златоуста. Как и в предыдущем письме, в данном тексте представлено небольшое количество форм прошедшего времени. Мы зафиксировали 4 перфекта и 12 примеров употребления -л-форм. Формы префекта здесь используются для обращения к адресату и оценки его деяний, совершенных в прошлом. Например: Гла(с) брата моего івана вопиет на тѣ дѣа а не толико то еси соделалъ, но во время мироу гонение великое проти(в) бѣоу и цркви его возбудилосѣ. Изгна(л) еси w(т) пр(с)тола его дѣа и вкоупе с ним х(с)а изгонилъ еси; Араскаа его же есте на мѣсто великаго іван(н)а на пр(с)тле еп(с)пко(м) посадили, и по смрти властия мою связоу, вкоупе со всеми еп(с)пы иж волею с нимъ совцили(с) [2, с. 60].

Во всех других случаях употребления глаголов прошедшего времени представлены -л-формы: Понеж не едина црковь паденіе поала; И аще влжен(н)ы іванъ живота лишень, вѣрѣ сохрани(л) дѣа и бессмертнаго живота полоучилъ новаа далида дѣа кога потихо тебе престолупления и прельщенна бритвою вѣрила проклатие w(т) многих оуст совѣ навела [2, с. 60]; Сіе иннокѣ(н)ти заборатцеса івана писалъ... [2, с. 61]; и др.

Все вышеописанные тенденции употребления А. Курбским книжных форм прошедшего времени (аориста и префекта со связкой) и -л-формы зафиксированы нами также в епистолиях Иоана Златоуста папе Иннокентию и Кириаку-изгнанцу, исследование которых будет включено в нашу другую публикацию.

Таким образом, в анализируемых переводах А. Курбского формы аориста употребляются в традиционном значении в соответствии с грамматической нормой исходной системы. Являясь признаком книжного стиля, они в то же время имеют дополнительную функциональную нагрузку – выделяют ‘главных’ героев действия, а также разграничивают субъектов повествования. В отличие от простых претеритов, но одна из выявленных форм перфекта со связкой в анализируемых переводах не употребляется в исконном значении. Их функцию можно определить как средство обращения к

адресату (ср. характерное для древнерусских текстов употребление перфекта в диалогах). В нашем материале во всех случаях глагол-связка служит указанием на лицо. Для всех проанализированных текстов характерно доминирование -л-формы, зафиксированной преимущественно в значении аориста и имперфекта. Именно это доминирование составляет главную особенность системы форм прошедшего времени в переводах А. Курбского.

4. Особенности употребления форм прошедшего времени, представленных в переводе послания Иоана Златоуста к Олимпиаде (Иже восты^х ѿца ншего івана златоустаго патріа^рха ко^{ста}тнагра^а. посланіе ко али^мпиадѣ дѣаконисѣ [2, с.72-76]), выпадают из той системы, которая установлена для 3-х предшествующих переводов. Это проявляется прежде всего в том, что из 121 формы глаголов прошедшего времени 119 относятся к числу книжных, причём явно преобладают простые претериты: 66 единиц, или 54,5%, составляют формы аориста, 35,5% (43 единицы) в этой системе приходится на формы имперфекта. Перфект представлен всего 9 примерами (7,4%). Выявлена также одна форма плюсквамперфекта в исконном значении предпрошедшего времени: Что рыдаешн дѣа и казни прие(м)лешн, которые врази твои дѣа наложити товѣ возмогли быша [2, с. 72]. Доля л-форм ограничивается 2 примерами: но прилоучило(с) дѣа бы(ти) диаскороу здѣ и(ж) и в кесарію посла слоугоу своего [2, с. 75-76]; но ожидаше исхо(д) нашъ не вѣм что сѣ изволило емоу [2, с. 73].

4.1. Обращает на себя внимание тот факт, что формы аориста и имперфекта практически повсеместно употребляются в традиционном для древнерусского книжного языка значении. Как отмечалось выше, аорист указывал на действие (состояние), целиком отнесенное к прошлому и представляемое как нерасчлененный акт [3, с. 299], а имперфект использовался для описания событий, относящихся к определенному периоду прошлого, на которых необходимо сосредоточиться [3, с. 301]. Следует отметить, что в данном тексте употребляются преимущественно стяженные формы имперфекта: И азь си(ж) видахъ (стяженная форма) ничто(ж), но изше(д)ши к намъ, сна ѹбо сокрываше ѿ на(с), [2, с. 74]; Аз же сна слышах ѿ сиѹ оубо едіно вжидахъ, но сопротивнаа помышлях (стяженная форма) в себѣ дѣа ничтож ѿ сиѹ глагола(х). поздѣ никогда, придо(х) в кесарію [2, с. 73]; и сна епарховы слоугы слышавшее привѣгоша к намъ, и молахоу (стяженная форма) и мили(с) дѣахоу, глѹще [2, с. 74].

Более архаичные нестяженные формы имперфекта зафиксированы только от глагола быти – вѣяхъ, вѣяхоу: [полк иночествующих] предсташа храмниѣ идѣже вѣяхъ азь [2, с. 74]. В

одном случае формы стяженного и нестяженного имперфекта являются однородными сказуемыми: **конѣц помалоу недоу(г)** и [2, с. 73].

Выше указывалось, что раньше всего из исконной системы прошедших времен выпадают формы имперфекта. Одним из наиболее ярких показателей разрушения системы простых претеритов является совпадение основ имперфекта и аориста. В этой ситуации формы имперфекта можно квалифицировать только по окончаниям: **ожидаше, оскудѣваше, престагаше, сокрываше; належа-(х)у, навѣщаху, оупокоева-(х)у**. В тех случаях, где окончания совпадают (**глагола(х), слышах, вжидах** – 1 л. ед. ч.), разграничение простых претеритов вызывает определенные затруднения, однако формы аориста, которые имеют основы, совпадающие с основами инфинитива (**предста-ша предста-ти; избави избави-ти**), обычно определяются однозначно.

В анализируемом тексте есть два примера употребления глагола-связки при простых претеритах: **Ѣсма же оубо видѣхъ, яко помалоу злое ско(н)чевае(т)са** [2, с. 73]; ...к си(м) же николи(ж) **оупова(х) е(с)ма оубо хотѣхом входити в ѡа страну** [2, с. 73]. Именно такие формы являются убедительным доказательством разрушения системы простых претеритов.

В анализируемом тексте имеются примеры сигматического тематического аориста – наиболее позднего типа данного претерита: **поздѣ никогда, придо(х) в кесарню** [2, с. 73]; и **сиа епарховы слоугы слышавше привѣгоша к намъ** [2, с. 74]. Зафиксированы случаи употребления аориста от имперфектной основы: **и сие ис тои паки поустости вѣ. и ни еди(н) тоу сы(н), ни единъ помаган, всѣ оубо на(с) оставиша** [2, с. 75].

Органичность бытования в тексте форм аориста подтверждается также тем, что они представляют все словоизменительные классы глаголов: I (**внидох**), II (**воздвиже**), III (**посла**), IV (**сотвори(х)**) и нетематический V (**вы(ст), бѣ**). Формы имперфекта зафиксированы от глаголов трех классов: III (**оскудѣваше**), IV (**твор#(х), глаголаше**), V (**вѣдаху**).

4.2. Как указывалось выше, перфект в данной письме представлен 9 примерами. Структура этих форм соответствует древнерусской книжной традиции (форма настоящего времени от вспомогательного глагола *быти* и форма причастия действительного залога прошедшего времени на *-ль* от спрягаемого глагола), чего нельзя сказать о

грамматическом значении. В исходной системе перфект обозначал «состояние, наблюдающееся в момент речи и являющееся результатом совершенного в прошлом действия» [3, с. 306]. Обращают на себя внимание особенности функционирования перфекта в данном тексте. Известно, что в древнерусских памятниках перфект употреблялся преимущественно в прямой речи. Письмо тоже можно рассматривать как разновидность прямой речи. Ср.: **И толкѣ мучите(л)ствѣ печали вдала еси душоу свою, писаниа бо, па(ж) патрикием нам прислала еси, сицево показаша ѹазвѣниа разоума твоего ѡа Ѣне оубо рекла еси возметающи ѡа Что бо впечали тѣа, или зане ѿ коукоуса не возмогла преселити на(с) еси** [2, с. 72]. Однако в анализируемом тексте мы обнаружили такую особенность, которая не встречалась в других переводах писем, – закрепление глагольных форм за определёнными лицами, т. е. использование грамматических форм для разграничения действующих лиц. Ср.: **Ѣна зрѣщи добром селевкиа г(с)дна моего роуфина свободнаа. Ибо zelo на(с) покоила е(ст) и оутѣшила. И та(к) молила е(ст) на(с) ѡа и посла с нами чака; егда бо разумѣ фаретини еп(с)пъ, и заповѣда селевкиакоже заповѣда многими преце(н)ми. поне(ж) во свое(м) прегради приала есть на(с) ѡа сна ѹбо сокрываше ѿ на(с), сказа же строителю своему тамо соуцоу** [2, с. 74]. В приведенных примерах все формы перфекта обозначают действия, имеющие отношение к Селевкки. Аорист же связан с другим действующим лицом – с Фаретием.

Таким образом, в исследованных переводах А. Курбского не только отражено сосуществование старых и новых явлений в системе глагольных форм прошедшего времени, характерное для книжного языка XVI в., но и намечены тенденции к нормализации употребления этих форм в тексте. Переводчик хорошо чувствует пульс живой разговорной речи и, стремясь сохранить лучшее из книжного наследия, использует разные варианты соединения этих зачастую трудно совместимых форм. Отталкиваясь от системы книжных форм, А. Курбский подбирает разные варианты включения в книжный язык так называемых *л*-форм, уже ставших достоянием живой разговорной речи. Количественные колебания этих форм в разных переводах подчёркивают трудности выработки механизма соединения книжного и разговорного в преддверии зарождения литературного языка нового типа.

Литература

1. Архангельский А. С. Очерки из истории западнорусской литературы XVI-XVII вв. – М.: Университетская типография, 1888. – 305 с.
2. Архангельский А. С. Борьба с католичеством и умственное пробуждение Южной Руси к концу XVI в. / Архангельский А. С. – М., 1888. – С. 1-136.

3. Архангельский А. С. Очерки из истории западнорусской литературы XVI-XVII вв. Борьба с католичеством и западнорусская литература конца XVI – перв. пол. XVII в. Приложение. / Архангельский А. С. – М., 1888. – С. 1-166.
4. Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка: Учеб. пособие для ун-тов / Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. – М.: Высш. школа, 1981. – 359 с.
5. Грушевський М.С. Історія України–Руси : в 11 т., 12 кн. / Грушевський М.С. – К.: Наукова думка, 1995. – Т. 6.
6. Джангобекова Т.А. Текст как объект истории литературного языка // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. Випуск 14 / Джангобекова Т.А. – Ужгород, 2006. – С. 114-120.
7. Джангобекова Т.А., Устюгова Л.М. Андрей Курбский как переводчик // Славянские языки и культуры в современном мире. III Международный научный симпозиум: Труды и материалы (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 23-26 мая 2016 г.) / Составители О.Д. Дедова, Е.В. Петрухина, Л.М. Захаров; Под общим руководством проф. М.Л. Ремнёвой / Джангобекова Т.А., Устюгова Л.М. – М.: МАКС Пресс. – С. 254-257.
8. Колесов В.В. История русского языка: Учеб. пособие для филол. фак. высш. учеб. заведений / Колесов В.В. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 672 с.
9. Мозер Михаэль. Что такое «проста мова»? / Мозер Михаэль. – Studia Slavica Hung. 47-3/4 (2002). – С. 221-260.
10. Мойсієнко Віктор, Ніка Оксана. «Проста мова» в Україні та Білорусі / Віктор Мойсієнко, Оксана Ніка [електронний ресурс]. – Режим доступа :
11. http://eprints.zu.edu.ua/9625/1/Проста_мова_в_Україні_та_Б.pdf
12. Хабургаев Г.А. Старославянский язык. Учеб. пособие для студентов пед. ин-та. / Хабургаев Г.А. – М., «Просвещение», 1974. – 432 с.

Источники фактического материала

1. **Описания чудес Кои по смрти ивановѣ содѣланиа** [2, с. 61-62].
2. **Ѡтвещание иноке^тиа на иванову епистолию до него писа^ну в свои^х веда^х**. [2, с. 59-60].
3. **Ѡпистолия иноке^тиа папы кои^т аркадия проклатию подае^т неправе^наго ра^т заточения, ивана златаоустаго оучѣла вселенней** [2, с. 60-61].
4. **Иже во сты^х Ѡца ншего ивана златаоустаго патрѣа^рха ко^тста^тинагра^а. послание ко али^тпидѣ дьяконисѣ** [2, с. 72-76].

Татьяна ДЖАНГОБЕКОВА

ФОРМЫ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛА В ПЕРЕВОДАХ А. КУРБСКОГО

Аннотация. Т. Джангобекова, исследовавшая особенности системы времён глагола в оригинальных и переводных текстах, созданных А. Курбским в эмиграции, в настоящей статье на материале переводов 4 писем показывает оригинальность используемых автором приёмов разграничения традиционных (аорист, имперфект) и новых (*л*-формы) форм прошедших времён.

Ключевые слова: древнерусский язык, 'проста мова', система прошедших времён, тексты конфессионального содержания, церковнославянский язык.

Tatiana DZHANGOBKOVA

FORMS OF PAST TIME IN THE TRANSLATED TEXTS BY A. KURBSKY

Summary. T. Dzhangobekova, who studied the features of time system in the original and translated texts created by A. Kurbsky in the period of emigration, by using the translation of four letters in this article, shows the originality of methods to differentiate between the traditional (aorist, imperfect), and new (*-l*-forms) forms of past time, which are used by the author.

Key words. Old Russian language, Simple language, system of past time, texts with the confessional contents, Church-Slavonic language.

Стаття надійшла до редакції 20.07.2018 р.

© Джагонбекова Т.А., 2018

Джангобекова Тетяна Анатоліївна – вчитель зарубіжної літератури ЗОШ № 51, м. Львів; випускниця аспірантури філологічного факультету Ужгородського університету, науковий керівник – д.ф.н., професор кафедри слов'янської філології УжНУ Л.М. Устюгова.